

УДК 94(47+57)''1917/1991''

КТО МЫ? ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ РЕФЛЕКСИИ НА ФОНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Л. А. Фадеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Lafadeeva2007@yandex.ru

Рассматриваются поиски идентичности, начатые в годы перестройки. Делается акцент на роли интеллигенции в определении новой идентичности. Характеризуется дифференциация российского общества по отношению к проблемам перестройки. Рассуждения сопровождаются воспоминаниями о Л. Е. Кертмане.

Ключевые слова: интеллигенция, перестройка, идентичность, самоидентификация, свобода.

Интеллигенция и перестройка – тема заезженная, кажется, до невозможности, но все же далеко не исчерпанная ни на социетальном, ни на персональном уровне. Когда я стала думать о тексте для «Вестника», посвященного памяти Льва Ефимовича Кертмана, одна из первых ассоциаций была связана с восприятием Львом Ефимовичем перестройки, с одной стороны, и с сопоставлением его отношения, оценок, идентификации происходящего и самоидентификации с теми, которые были присущи российской интеллигенции в целом. Ставя вопрос «Кто мы?», интеллигенция давала ответ на него для себя и для общества. «Как бы ни различались между собой люди разных эпох, они задают себе одни и те же вопросы, касающиеся их самих, – им хочется знать, как думать о себе, чтобы действовать», – писал К. Манхейм [*Манхейм*, 2000, с. 95], подразумевая под интеллигенцией страту, постоянно вовлеченную в «интеллектуальный процесс, отмеченный неустанными попытками дать явлениям критическую оценку, установить диагноз и сделать прогноз, определять возможности выбора, если они существуют» [Там же, с. 158]. При этом сами попытки могут носить и чаще всего носят разнонаправленный характер, а по вопросу об идентичности разворачивается нешуточная борьба всегда, когда для нее есть хоть какое-то публичное пространство.

Говоря о процессах, свидетелем и участником которых я являлась, вряд ли стоит уклоняться от собственного восприятия происходящего. Авторские реминисценции в таком случае представляют собой одну из разновидностей источников, которые могут быть оценены в сопоставлении с другими источниками.

В этом смысле меня оправдывает то, что в исторической науке, прежде всего в культурной истории, произошел пересмотр статуса историка-исследователя, чей взгляд рассматривается как взгляд участника и сравнивается с прожектором, высвечивающим отдельные места. Такой исследователь сознательно «инструментализирует собственный внеаучный опыт», достигая «эффекта реальности», особенно тогда, когда его взгляд сочетается с презентацией больших документальных фрагментов [*Нарский*, 2011, с. 47, 49].

И, наконец, но не в последнюю очередь, такой подход позволяет вспомнить, восстановить, оживить важные и значимые моменты жизни и времени, связанные с Учителем. Признаюсь, что подтолкнули меня к этому представленные в этот номер журнала воспоминания М. А. Оболонковой, Б. И. Ровного, Г. Л. Кертмана, за что я им безмерно благодарна.

Свободный человек в несвободной стране

Кафедра новой и новейшей истории Пермского государственного университета представлялась нам, студентам 1970-х гг., оазисом свободомыслия и свободолюбия. Наши представления о свободе и несвободе складывались из разных впечатлений. Мои были связаны с работой и статусом отца, Александра Николаевича Киприянова, журналиста, в начале 1970-х гг. редактора газеты «По ленинскому пути» в Коми-Пермяцком автономном округе, поскольку проблемы цензуры и партийного контроля над прессой обсуждались в нашем доме при подготовке каждого номера газеты. С 1973 г. и до болезни, приведшей к инвалидности в начале 1980-х гг., отец работал корреспондентом ТАСС по Пермской области. В этом качестве он вошел в партийную элиту региона со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде привилегий, статуса, атмосферы лицемерия, лживости

и придворного духа, который блестяще показали в перестроечное время Юрий Поляков в «Апофеgee» и Эльдар Рязанов в «Забывтой мелодии для флейты».

На историческом факультете я ненавидела зачеты по общественно-политической практике, когда комиссия из членов партийного и комсомольского бюро допытывалась, что общественно и политически-полезного ты сделал за семестр. Тем не менее атмосфера на факультете была спокойной, несмотря на идеологизированность профессии историка в то время. Приход же в 1978 г. на кафедру новой и новейшей истории в качестве участника спецсеминара Льва Ефимовича Кертмана был для меня и пяти моих однокурсников испытанием – интеллекта, духа, характера – всего на свете. Масштаб его личности был очевиден всем. Годы спустя я прочитала высказывание о том, что диссиденты в несвободной стране вели себя как свободные люди. Мне представляется, что такая характеристика в полной мере относится ко Льву Ефимовичу, в особенности, если вводить диссидентство в более широкий контекст диссидентства и неконформизма.

Это выражалось в духе, манерах, стиле, во всей личности Льва Ефимовича, в предлагаемых темах исследований, обсуждаемых на кафедре вопросах. Конечно, он не был свободен от среды. Любой инструктор из комитета (городского, районного) КПСС мог прийти к нему на лекцию, чтобы потом предъявлять претензии: «А почему Вы используете непонятные термины типа «политика блестящей изоляции»? А почему Вы читаете лекции без записей?» Он пожимал плечами и на следующий раз брал на лекцию первую подвернувшуюся кипу бумаг со своего стола, чтобы создать впечатление, будто читает по конспекту. Когда на пятом курсе Лев Ефимович предложил мне заняться научным исследованием, он честно предупредил меня, что могут быть проблемы с аспирантурой, поскольку я не член партии и к тому же женщина. Он был прав: для того чтобы остаться в университете, мне пришлось занять должность лаборанта на пятом курсе, имея на носу диплом, а на руках – семимесячную дочь. К тому же я попала из разряда студенток-отличниц в разряд лаборанток-недотеп. «Как Вы посмели, – кричала красная от гнева заместитель парткома университета на меня в фойе главного корпуса, – в характеристике поставить подпись секретаря парткома после подписи председателя профкома?!». Место в очной аспирантуре, запрашиваемое на меня, как и предвидел Лев Ефимович, отдали партийному члену комитета комсомола, который через год из аспирантуры отчислился.

«Радость свободы определяется не столько скоростью перехода к ней, сколько сыростью и тяжестью сводов темницы», – писал Дмитрий Быков об эпохе оттепели, полагая, что «следующим поколениям трудно представить себе оттепель», которая была «куда менее радикальна в смысле разрешенной свободы – но куда более ослепительна по контрасту с тем, что было до нее» [Быков, 2009, с. 179].

Эйфория перестройки

«Мы являемся счастливыми свидетелями нового явления, которое следует приписать только нашему генсеку... Я имею в виду отмену цензуры и фактическую свободу слова, – писал в дневнике 28 февраля 1986 г. Лев Остерман. – Господи, какая лавина некогда секретной информации обрушилась на наши головы! Некоторые газеты и толстые журналы публикуют столь острые разоблачительные материалы, обнаруживают такие преступления прошлого и уродства настоящего, что если это продолжится еще пару лет, то люди избавятся от страха, воспитанного годами террора, а затем и от рефлекса безропотного подчинения партийному начальству. Начнут думать и говорить свободно, а на этой почве могут взойти (пока еще непонятно, как) ростки нового общественного устройства» [Остерман, 2000, с. 15].

В газетах стали публиковать подборки писем, в которых критиковалась система спецраспределителей, партийной бюрократии. Декларировалась важность открытой критики и «ленинской правды». Романы В. Дудинцева «Белые одежды», А. Рыбакова «Дети Арбата», Д. Гранина «Зубр» и их обсуждение становились общественным событием. Не меньшим достоянием перестройки была публикация запрещенной в советское время литературы. И. С. Семенов оценивает возвращение запрещенных в СССР произведений Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Солженицына, В. Гроссмана, А. Платонова как открытие доступа к многомерному духовному миру отечественной поэзии и прозы. «У людей появилась возможность свободно выбирать в этом мире близкое и созвучное собственным духовным запросам; на людей обрушился поток неизвестных и недоступных ранее материалов по отечественной истории и истории политической мысли [Семенов, 2011, с. 406].

Для кафедры и, вероятно, особенно для Льва Ефимовича эта свобода была невероятно дорога. И раньше на кафедре обсуждались достаточно смелые сюжеты, новинки литературы и кино, шел обмен информацией, полученной из книг отделов специального хранения. Когда же появилась возможность свободно читать и публично обсуждать, на кафедре разворачивались и литературные дискуссии, и политические дебаты. Я хорошо помню, как за новыми публикациями выстраивалась очередь в библиотеке, как коллеги давали книгу буквально на ночь, как незнакомство с такой публикацией вызывало недоумение и даже возмущение: «Разве можно не читать то, что читает вся передовая общественность?!» Лев Ефимович обычно не был столь строг. Когда выяснил, что я не смотрела фильм «Чучело», засмеялся и сказал: «Вот Вы и есть чучело».

«Перестройка, начавшаяся в СССР ровно двадцать лет назад, была воспринята большей частью тогдашнего общества как долгожданное событие. Исследования, проводившиеся в середине 80-х годов, показывали, что позитивное отношение к перестройке на ее раннем этапе было если и не единодушным, то преобладающим», – указывает Л. Г. Бызов со ссылкой на социологические исследования того времени [Бызов, 2005]. В стране сложился временный сложносоставной консенсус на основе антиноменклатурных настроений, жажды перемен, гласности и свободы.

Свобода выбора «близкого и созвучного собственным духовным запросам» казалась необыкновенным счастьем. Применительно к периоду перестройки часто используется слово «эйфория»; оно действительно отражает умонастроение и чувства людей. Лев Ефимович упивался новыми возможностями, воздухом свободы. Был горячим приверженцем Горбачева, как-то спросил меня: «Вы его любите?». – «Кого?», – ошарашенно спросила я. – «Горбачева!».

Ю. С. Пивоваров, вспоминая о своем учителе и друге Н. Н. Разумовиче, пишет, что тот «в Горбачева влюбился сразу. Видел в нем трагическую личность, “назначенную” историей на разрушение коммунизма» [Пивоваров, 2004, с. 308]. Думаю, что схожие чувства испытывали многие люди, особенно старшего поколения. Наше поколение уже отучилось любить политических лидеров. В начале 2000-х гг. я принимала участие в международном симпозиуме в Москве. Новозеландский коллега заметил хмурое выражение моего лица при выступлении одного из российских политиков и спросил меня: «Он вам не нравится?». Я ответила вопросом на вопрос: «А Вам нравятся ваши политики?». Он расхохотался и сказал: «I see you».

Значительная масса интеллигенции в годы перестройки не только рефлексировала, но и активно действовала, причем в масштабах всей страны. Развернулось движение интеллигенции за демократическую альтернативу. Заседания клубов, общественные чтения проходили в вузах и на публичных площадках крупных городов. В регионах, в том числе в Перми, создавались клубы избирателей, филиалы Всесоюзного общества «Мемориал», целью которого было увековечить память жертв сталинских репрессий [В поисках истины..., 1999].

Лев Ефимович видел свое предназначение в том, чтобы доводить свои мысли и чувства до слушателей – студентов, аспирантов, учителей. Очень огорчался, когда не находил отклика в учительской среде, говоря о теоретических и методологических проблемах. Он считал, что все, отвлекающее ученого от его основной работы, «от лукавого». Думаю, он мог бы подписаться под «Манифестом трудоголика» Дмитрия Быкова: «Работа – единственное оправдание жизни, единственный ее смысл; ... я решительно не представляю, чем можно заниматься на свете, кроме любимого дела». И признать наличие связи между профессионализмом и свободой: «Страна (Россия. – Л. Ф.) подсознательно ощущает, что, если она начнет работать, думать, что-то такое производить и т.д., – существующий тип государства очень быстро расшатается, потому что ему для функционирования нужны растленные и запуганные потребители, а вовсе не мыслители, творцы и прочие хозяева своей судьбы» [Быков, 2009].

Поиски идентичности

Вспоминая годы перестройки в 1994 г., М. С. Горбачев сказал: «Моя задача была – продвигать политическую реформу, используя эти предпосылки, сориентировав их на демократическое гуманное общество. Тогда мы его обязательно называли социалистическим, мыслили в рамках социалистического выбора, потому что общество, в котором мы тогда жили, несло в себе какие-то элементы социализма» [Интервью с М. С. Горбачевым, 1994]. Биограф Горбачева Арчи Браун пишет, что у Горбачева не было конкретного института, который бы выполнял роль центра, не было программы действий, он искал ответы на вопросы в трудах Ленина [Перегудов, 2011, с. 120]. Гор-

бачев пытался найти компромисс, предлагая определения «социалистического рынка», «социалистической конкуренции».

«Решающая роль в конструировании коллективной идентичности принадлежит памяти о центральных событиях прошлого (в модели “национальной катастрофы” или в модели “триумфа”, – отмечает Л.П.Репина... – Метафора “зеркала” в применении к прошлому и истории верна только в том смысле, что, на самом деле, “век нынешний” вовсе не ищет в нем аутентичный образ минувшего, а смотрится в это зеркало (т.е. смотрит именно на себя) все с той же целью самоидентификации, “примеряя”, например, новый образ единого национального прошлого, соответствующий запросам времени» [Репина, 2011, с. 454, 455].

В перестроечную эпоху этот новый образ соотносился с представлением о великой роли Ленина и Октября, об историческом значении идей социализма, которые затем были извращены Сталиным. «С одной стороны, власти явно были против того, чтобы “трогали” Ленина, поскольку сам Горбачев активно настаивал на том, что он реализует именно “ленинский стиль руководства”, – объясняет С. Туркин. – С другой стороны, для большинства интеллектуалов Сталин на тот момент был намного более очевидной “мишенью”, чем Ленин: и вследствие масштаба осуществленных им политических репрессий, и потому, что именно он виделся основателем советского бюрократического режима, да и по привычке (так как большинство интеллектуалов тяготело к позиции “шестидесятников”» [Туркин, 2006]. Не случайно сталинский период стал основной мишенью критики «перестройщиков». Весь вал открывшейся обществу литературы, как документальной, так и художественной, формировал неприятие сталинизма.

Что же касается идей социализма, идентификации СССР как социалистического государства, то они были близки не только политической элите. Значительная часть интеллигенции разделяла эти взгляды. Лев Ефимович Кертман искал и находил в социалистических идеях гуманистический смысл и отражение принципов социальной справедливости, которые были так близки ему самому. Именно поэтому его концепция мировой культуры была построена на идее дифференциации культуры на буржуазную, демократическую и социалистическую. Если риторика и слог его публикаций на эти темы и выдержаны в духе конъюнктуры того времени, то их общий посыл и пафос остаются вполне современными.

Не могли не сказаться на демократических убеждениях и личные обстоятельства: простой еврейский паренек, токарь одного из киевских заводов, попал на университетскую скамью благодаря поддержке своего рабочего коллектива. Лев Ефимович всегда помнил об этом и никогда не был склонен к снобизму.

Вспоминаю, как обсуждение работ марксистов во время спецсеминара требовало от нас сильного интеллектуального напряжения. Как-то он дал задание прочитать объемную статью Энгельса и составить конспект по теме. Кроме меня, этого никто не сделал, а у меня была выписана всего одна фраза. «У меня одно предложение», – пробормотала я. «У Вас или у Энгельса?», – нахмурившись, спросил он. Я сказала, что выписала из статьи Энгельса одно предложение и зачитала его. Он внимательно посмотрел на меня: «Собственно, ради этого предложения я и просил вас прочитать эту статью».

Обвиняя исследователей предшествующего времени в конъюнктурности, мы часто перепрыгиваем время, совершая грех экстраполяции.

Перестройка сделала властителями дум экономистов и публицистов: статьи И. Клямкина, Н. Шмелева, Л. Абалкина, Г. Попова, публикации «Московских новостей», «Огонька», «Аргументов и фактов» горячо обсуждались общественностью. Тиражи печатных изданий достигли беспрецедентного уровня («Аргументы и факты» – 30 млн. экземпляров) [Семененко, 2011, с. 402–404]. В 1987 г. развернулась дискуссия «о пышных пирогах», в которую включились О. Лацис, В. Селюнин, Г. Попов, Л. Попкова, обсуждая возможность сочетания социализма и рынка.

Эти дискуссии были в центре внимания общественности, статьи пересказывались и обсуждались, они создавали представление об иной экономической реальности, в которой действуют законы рынка, те самые законы, которые до того времени назывались «дикими», «стихийными», определявшими глубокое социальное неравенство западного мира. Подобно тому как в политике ставилась задача совместить демократию и социализм, в экономике предполагалось сочетать план и рынок.

Обещание

Пока страна вынашивала перестроечные идеи, я вынашивала второго ребенка, дочку Сашу, которую родила 23 августа 1986 г. Отпуск по уходу за ребенком стремилась максимально использовать для завершения работы над диссертацией. Очень спешила. Лев Ефимович меня не подгонял, но и в консультациях никогда не отказывал: с февраля по октябрь 1987 г. я приходила к нему два раза в месяц, каждый раз занимая пару часов его времени. Мы обсуждали мою диссертацию, ситуацию в стране, ход перестройки, горячие публикации. Это были интереснейшие и счастливые часы. По счастью, у меня хватило ума вести подробные записи. До сих пор хранится папка с надписью «консультации Л. Е.»

Он уехал в Москву, вернув мне черновик диссертации без обычной своей ежестраничной росписи замечаниями и размышлениями, а лишь с короткими общими ремарками. Пообещал, что по возвращении вплотную займется мной. Он не вернулся. Умер в Москве 30 ноября 1987 г.

Последующие декабрь и январь я по ночам, уложив детей спать, перечитывала записи консультаций и разбирала комментарии Льва Ефимовича к моим опусам (нередко сквозь слезы). Мне казалось принципиально важным представить к защите диссертацию к окончанию отпуска по уходу за ребенком и защитить ее, указав в качестве научного руководителя Л. Е. Кертмана. При активном содействии кафедралов и поддержке Павла Юхимовича Рахшмира мне это удалось.

Когда речь зашла о защите и оппонировании, мне припомнилась одна история: весной 1986 г. Лев Ефимович пришел с какого-то совещания оживленный, присел на стол (была у него такая привычка) и вдруг неожиданно сказал мне: «Я понял, кому могу оставить Вас в наследство. Это Валентин Владимирович Песчанский. Вы попадете в хорошие руки».

Павел Юхимович помог мне договориться о встрече с Валентином Владимировичем, который принял активное участие в моей судьбе в течение последующих восьми лет, до своего отъезда в США. Сразу после защиты кандидатской он предложил мне обратиться к истории британской интеллигенции, интеллектуалов, профессионального класса. В сентябре 1988 г. я приехала в Москву уже для работы над этой темой как темой докторской диссертации. И попала в замечательный коллектив Института мировой экономики и международных отношений РАН, сектора, которым руководил Герман Германович Дилигенский. Валентин Владимирович Песчанский, Сергей Петрович Перегудов, Кирилл Георгиевич Холодковский, Ирина Станиславовна Семененко, Инна Ефимовна Городецкая, Наталья Константиновна Кисовская приняли меня как свою, в чем авторитет Льва Ефимовича и память о нем сыграли важную роль. Каждый раз в ИМЭМО меня ждали вырезки из газет и журналов по теме, подготовленные Валентином Владимировичем, интересные дискуссии о науке и о происходящем в стране. Когда я обмолвилась, что мы дома пьем морковный чай, на следующий день для меня в институте лежал пакет с квадратными пачками индийского чая «со слоном»: коллеги принесли из дома, кто что смог.

Я действительно «попала в хорошие руки». Лев Ефимович сдержал и это обещание.

Идейные расколы

«Если в 1985–1986 гг. перестройка объединила вокруг себя практически все активные слои общества, стремившиеся к переменам, то спустя три-четыре года разногласия между отдельными группами, каждая из которых видела “свой” путь перемен, становятся все более непримиримыми», – замечает Л. Бызов [Бызов, 2005]. В 1988 г. был издан сборник «Иного не дано» как наказ делегатам XIX партийной конференции. Ю. Афанасьев, редактор сборника, писал в обращении к читателю: «Эта книга, выпускаемая в свет накануне XIX Всесоюзной партконференции, послужит среди прочих усилий советских интеллектуалов делу революционного обновления нашей страны» [Афанасьев, 1988]. Авторы сборника – А. Сахаров, М. Гефтер, Ю. Буртин, В. Селюнин, Т. Заславская, Л. Карпинский, Г. Попов и др. – по словам Г. Водолазова, были «полны надежд и какого-то боевого азарта – скорей, скорей отодвинуть общество подальше от края пропасти – и на дорогу, где гласность, демократия, достойная жизнь» [Водолазов, 2006, с. 519].

Ю. Афанасьев в предисловии к этой книге специально отмечал: «Следует обратить внимание и на то, что авторы вообще выступают с разной степенью решительности и новизны – и это, безусловно, соответствует амплитуде настроений, существующей среди интеллигенции. Но, если быть честным, далеко не исчерпывает ее... в книге не представлены негативные по отношению к перестройке мнения, как откровенно ретроградные, так и столь же откровенно скептические. Однако эти возражения, раздающиеся со стороны обоих флангов, ощутимы в ткани многих статей. Авторы

ведут с ними полемику – такова реальная ситуация, в которой возник настоящий сборник» [Афанасьев, 1988].

«Интеллектуалы никогда не были политически едины, но примерно до 1988 года представители разных идеологических направлений достаточно часто, например, публиковались вместе. После этого – опять же вследствие ряда политических причин – интеллектуалы разбрелись по двум разным лагерям, – говорит С. Туркин. – Раскол был вызван, подчеркну, именно политическими причинами, когда выводы, сделанные в рамках тех или иных исторических исследований, становились элементом идеологической базы политических решений, которые принимала одна часть интеллектуалов и не принимала другая» [Туркин, 2006].

И современники, и исследователи отмечают одинаковые тренды: «С 1989 г. идеи перестройки оказались приватизированы лишь радикальными прозападническими группами советской элиты и интеллигенции» [Бызов, 2005]; «происходит стремительный переход этой части элиты на антикоммунистические, антисоциалистические позиции» [Мишанова, 2011, с. 68]. В верхних эшелонах власти позиции усиливают сторонники рыночного пути, для них было важным распространение противопоставления Запада как «нормального», «цивилизованного общества» советскому как «ненормальному» и «тоталитарному».

Поляризация мнения по вопросам приемлемости реформ происходила во всем обществе. Если в начале перестройки разлом был в основном поколенческим – между молодым поколением, принимавшим перестройку, и старшим, считавшим, что критика советского общества перечеркивает всю его жизнь, то по мере осуществления реформ и усиления антикоммунистического их настроения раскалывалась общность людей одного поколения и одной страны. Раскол проходил в семьях и в рабочих коллективах: одни принимали перестройку, а другие проклинали ее. На нашей кафедре одни «либералы» и «западники» становились яркими сторонниками коммунистической идеи, другие – русофобами. После обсуждения учебных проблем на заседаниях кафедры начинались политические баталии. Чтобы смягчить обстановку, мы с молодыми коллегами инициировали на неформальной части мероприятий петь песни. На удивление, идею поддержали, пели популярные песни 1940–1950-х гг. Когда через несколько лет я участвовала в семинаре в Хорватии, обнаружилось, что хорваты тоже поют песни военных лет, партизанские песни. Это оказалось тем немногим, что продолжало объединять расколотившую страну.

«Катастрофика»

С. П. Перегудов фиксирует резкую смену «в настроениях демократической интеллигенции, идейно-теоретическая гегемония которой в тот период была почти абсолютной. На место увлечения социал-демократией, и особенно шведской ее моделью, очень быстро приходит еще более сильное, почти повальное увлечение неолиберальными идеями и теориями» [Перегудов, 2011, с. 124]. «В условиях краха советской системы неолиберальной идеологии удалось предстать в качестве самоочевидного, неидеологического обобщения универсального общечеловеческого опыта» [Морозов, 2009, с. 540].

Ю. Каграманов объяснял: «Эйфория “перестройки” внушила некоторую надежду, что вот теперь-то мы начнем набирать высоту, кое-что проведая о пути, действительно ведущем ad astra. Вышло скорее наоборот: наше общество “приземлилось” самым жестким образом, больно (для подавляющего большинства) стукнувшись о твердую почву, и теперь не без некоторого недоумения ощупывает само себя, с головы до ног, равно как и все близлежащее, открытое для тактильных контактов» [Каграманов, 1998]. С подачи А. Зиновьева распространилось слово «катастрофика», соединявшее перестройку с катастрофой [Зиновьев, 1989].

Тем, кто не жил в это время, трудно представить ситуацию. В мирное время огромная страна переживала состояние, которое обычно бывает только в военные годы. Люди получали около 26 талонов на разные виды продукции. «Отovarить» талоны становилось труднейшей проблемой.

Лично для меня это время совпало с первой поездкой на Запад. Это была стажировка в Оксфорде в ноябре–декабре 1991 г. (в соответствии с программой обмена между Пермским и Оксфордским университетами). Конечно, меня многое поразило в Оксфорде и в Британии в целом, которую до поездки я изучала по книгам и печатным СМИ. Жаль, что Лев Ефимович так и не смог увидеть столь близкую и дорогую его сердцу и уму Англию.

Шок и жгучее чувство стыда за свою страну я испытала не в супермаркете и не в ресторане, а в скромной квартирке британской пенсионерки, свекрови Мэри Маколи. Бывшая учительница была

крайне недовольна правительством консерваторов, которое выделило ей бесплатно небольшую квартирку в специально построенном, хорошо продуманном и оборудованном доме для пенсионеров на окраине Манчестера. Пожилая леди спросила меня, есть ли у меня бабушка, как она топит дом, где берет воду. Ответы «дровами», «в колонке на улице» привели ее в раздумье. После чего она спросила: «А у нее есть такая доска для стирки?». Я ответила, что у бабушки есть стиральная машина. Моя собеседница была счастлива. Прошло двадцать лет, и я не без горечи прочитала в книге Фрэнсиса Тэпона о его впечатлениях о современной России, которые в значительной мере были связаны с поездкой в Псковскую область и описанием условий жизни деревенских стариков. Это одно из самых грустных мест в искрометной книге Тэпона [Тэпон, 2012]. И горестно, что двадцать лет перестройки и реформ в обустройстве жизни на селе не так уж много изменили.

После Оксфорда в декабре 1991 г. я возвращалась на Родину. Москва произвела шокирующее впечатление. Мудрый Валентин Владимирович, много путешествовавший и долгое время работавший за границей, предупреждал меня, что возвращаться из Европы в Россию – все равно, что переключать телевизор с цветного на черно-белый. В декабре 1991 г. мне казалось, что остался только черный цвет. Грязные улицы, черные лужи в пустых магазинах, толпы людей в очередях, сжимающих в руках талоны и пытающихся их отоварить до конца года. Всеобщее ожесточение и озлобление.

Еще один штрих по поводу идентификации и имиджей. Наша оксфордская коллега была чрезвычайно строга с нами. Первую неделю она настолько занимала все наше время, что мы даже не могли рассмотреть Оксфорд. Только к концу стажировки она смягчилась и объяснила, что «хотела показать русским, как надо работать». Оказывается, она была раздражена тем, что во время ее визита в Пермский университет ее постоянно угощали всякими вкусными вещами, а преподаватели распивали с ней чай, вместо того чтобы вести занятия. Ей в голову не приходило, каких трудностей стоило преподавателям собрать в складчину понемножку масла, яиц, муки, чтобы испечь вкусности к чаю, и какое мастерство они проявляли, чтобы отрегулировать расписание и оказать уважение первому в истории университета зарубежному гостю (Пермь стала открытым для иностранцев городом только в период перестройки).

«Народ разуверился во всем. Настроение гнусное. Магазины по-прежнему пусты, особенно промтоварные... Цены растут... Худые времена!» – это записи из дневника Льва Остермана, сделанные 23 февраля 1990 г. [Остерман, 2000, с. 99]. Интеллигенция фиксировала наступление мира бездуховности, гибель духовной мощи России, агонию интеллигенции [Васильев, 1990]. А. Солженицын в размышлениях «Как нам обустроить Россию» предупреждал: «Разумное и справедливое построение государственной жизни – задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми, – но насколько ж она больней и острее у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей» [Солженицын, 1990].

Проблема ответственности интеллигенции

Интеллигенция, которая считалась вдохновителем перестройки, попадала под огонь критики вместе с ее неудачами. Многие обвиняли интеллигенцию: «Вот С. Говорухин, давший разрушителям лозунг “Так жить нельзя!”». Вот Ю. Власов, сдавший вначале свой огромный авторитет в аренду циничным политикам. Вот и видный идеолог перестройки Д. Гранин, вдруг проявивший заботу об образе Зои Космодемьянской. Лев Аннинский оправдывается: “Что делать интеллигенции? Не она разожгла костер – она лишь “сформулировала”, дала поджигателям язык, нашла слова”. Это – вечная логика “интеллектуальных авторов” любого преступления: мол, не мы поджигали, мы только дали поджигателям спички» [Кара-Мурза, 1992].

Можно сказать, что это «вечная логика» критиков интеллигенции: в ситуации перелома и выбора ее влияние нередко оказывается значимым и воздействует на принятие политических решений, однако во всех случаях, когда предложенная модель входит в состояние кризиса, в этом оказываются виноваты интеллигенты.

Сравнивая две эпохи, в которые развернулась «активная дискуссия об интеллигенции: поражение революции 1905–1907 гг. и поражение советской власти как главного достижения Октябрьской революции», М. Е. Добрускин видит их сходство как в активности интеллигенции в эпоху пе-

ремен, так и в ее расколе, утрате идеалов, в ожесточенной критике интеллигенции, разворачиваемой в обществе, в основном тоже интеллигентами [Добрускин, 2004, с. 49–50].

Обвинения при этом носят диаметрально противоположный характер: в том, что «пошли во власть», и в том, что не смогли принести власти практической пользы. В том, что поддержали и развернули десталинизацию, и в том, что не довели ее до конца. В том, что увлеклись западным опытом и копировали его, и в том, что не смогли способствовать нормальному импорту демократических институтов. В том, что поддержали Горбачева, и в том, что недостаточно его поддерживали. Перечень этот может быть не короче Великой реконструкции.

Еще точнее такую логику выразил И. Губерман в известном стихотворении о нападках на евреев:

За все на евреев найдется судья:
за юмор, за ум, за сутулость,
За то, что еврейка стреляла в вождя,
За то, что она промахнулась.

С позиций сегодняшнего дня Наум Коржавин отмечает, что интеллигенция «стремилась к нормальным вещам: свободе слова, частной собственности. Но она забыла, зачем все это нужно. Идея была простая: наступит демократия и всем станет хорошо. С чего это вдруг? С таким же успехом можно заменить слово “демократия” на слово “коммунизм”. Все-таки ужасна эта слепая вера в идеи, даже хорошие. Частная собственность ведь не рай. Без нее нельзя, как нельзя без нормального пищеварения. Но есть же и другие органы. Есть, в конце концов, еще и душа» [Коржавин, 2007].

Однако именно интеллигенция и старалась все это время напоминать о простых человеческих ценностях. Как писал в конце перестройки Даниил Гранин, «те, кто думает, что круша направо и налево все, что вчера ценили и уважали, они укрепляют демократию, заблуждаются. Своим цинизмом они убивают дух людей и вытаптывают почву, на которую в конце концов придут “наши”, жириновские, “Память” с их национал-патриотизмом... Чтобы выжить, надо сказать: “Хватит”. Хватит вгонять людей в панику. Во что теперь верить? Не знаю. Знаю только, что есть простые ценности» [Гранин, 1991].

«Крушить направо и налево» прошлое, все равно, отдаленное или относительно недавнее, процесс небезобидный и небезопасный. «То или иное отношение к прошлому нельзя ни запретить, ни навязать, поскольку оно тесно связано со всем корпусом наших идей и институтов», – утверждает английский историк Д. Лоуэнталь. – Воспоминания и ожидания пронизывают собой каждый миг настоящего. Однако прошлое и будущее привлекают – или отталкивают – нас совершенно по-разному. Большинство образов будущего туманны и лишены определенности ... напротив, прошлое осязаемо и плотно... Это то, откуда мы все родом» [Лоуэнталь, 2004, с. 26, 34].

На мой взгляд, не так уж плохо, если все мы родом из перестройки. Тем более, что ни гласность, ни свобода выбора духовно близкого, ни право на несогласие не являются абстрактными и вневременными категориями.

А еще в том прошлом, которое «не чужая страна», у нас был Лев Ефимович. Это то безусловное значимое, что нас объединяет.

Библиографический список

- Афанасьев Ю. Несколько слов от редактора // Иного не дано. М., 1988.
- Бызов Л. Г. Перестройка: 20 лет спустя. Когда окончится перестройка? (по материалам ИКСИ РАН и ВЦИОМ) // Золотой лев. 2005. № 61–62 [Электронный ресурс]. URL: http://zlev.ru/61_31.htm
- Быков Д. Булат Окуджава. М., 2009.
- Быков Д. Манифест трудоголика // Новая газета. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://novayagazeta.livejournal.com/89494.html>
- В поисках истины: Интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений: матер. науч.-практ. конф. Пермь, 1999.
- Васильев Б. И все же я уверен, что Россия привержена добру // Известия. 1990. 15 июня.
- Водолазов Г. Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика. История, теория, личные судьбы. М., 2006.
- Гранин Д. Собраться с духом, чтобы выжить // Известия. 1991. 19 дек.
- Добрускин М. Е. Интеллигенция под огнем критики: вымыслы и истина // Философия и общество. 2004. № 3.

- Зиновьев А.* Катастрофка. Повесть о перестройке в Партграде. Мюнхен, 1989 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/textkatastroika.pdf>
- Интервью с М. С. Горбачевым (май 1994 г.) // *Континент*. 2011. № 147 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/147/go6.html>
- Каграманов Ю.* «Жестоких опытов собирая поздний плод»: Кое-что о роли знания в истории // *Новый мир*. 1998. № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/10/kagramanov.html
- Кара-Мурза С.* Интеллигенция после перестройки: пора оглядеться // *Правда*. 1992. ноябрь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/voprosi/km-00.htm>
- Коржавин Н.* Мы не отстыдились за свое прошлое // *Огонек*. 2007. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ogoniok.com/4980/29/>
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
- Манхейм К.* Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избр. Социология культуры. М.; СПб., 2000.
- Мишанова Е. В.* Векторы эволюции идейно-политического спектра и идеологические предпочтения россиян // *Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы*. М., 2011.
- Морозов В. Е.* Россия и Другие. Идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.
- Нарский И. В.* Возвращение автора: приглашение к «лирической историографии», или об одной тенденции в современном историописании // *История и историки в пространстве нац. и мир. культуры*. Челябинск, 2011.
- Остерман Л. А.* Интеллигенция и власть в России (1985–1996 гг.). М., 2000.
- Перегудов С. П.* Политическая система России в мировом контексте: Институты и механизмы взаимодействия. М., 2011.
- Пивоваров Ю. С.* Русский Гамлет // Пивоваров Ю. С. Полная гибель всерьез. М., 2004.
- Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: Соц. теории и историограф. практика. М., 2011.
- Семенов И. С.* Россия XX – начала XXI века. Культура и общество. М., 2011.
- Солженицын А.* Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Спец. выпуск к газ. «Комсомольская правда». 1990. 18 сент.
- Туркин С.* «Вспоминание истории» в период перестройки: как процесс, и не только // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 3 (47) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/tu9-pr.html>
- Тарон F.* Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us. S.-F., 2012.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.07.2012

WHO ARE WE? INTELLIGENTSIA REFLECTIONS IN PERESTROIKA PERIOD

L. A. Fadeeva

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
Lafadeeva2007@yandex.ru

The article is devoted to the reflections of intelligentsia in Russia on perestroika. The author describes the wave of enthusiasm as euphoria of the first years of perestroika and characterizes the attempts to search a new identity. There is an analysis of the struggle between supporters and opponents of perestroika. Opponents' front included both CPSU supporters, e.g., Nina Andreeva, and «pochvenniki», the group of writers, e.g., Valentin Rasputin and Victor Astafiev. At the same time the first nationalist issues of Alexander Prokhanov appeared. The article characterizes not only famous intellectuals' activities, but also the thought and activity of intelligentsia in the regions of Russia. The emphasis of the article is made on the struggle for identity among intellectuals of different political views. The author studies evolution of state policy from socialism with human face to neoliberalism and estimates the reflections of intelligentsia on the evolution. The article includes also some reminiscences of the author on the events of the period, especially those, which are connected with a Professor Lev Kertman.

Key words: Intelligentsia, perestroika, identity, self-identification, freedom.

References

- Afanasev Yu.* Neskolko slov ot redaktora // Inogo ne dano. Moscow, 1988.
- Bykov D.* Bulat Okudzhava. Moscow, 2009. P. 179.
- Bykov D.* Manifest trudogolika // Novaya gazeta. 2009 [e-resource]. URL: <http://novayagazeta.livejournal.com/89494.html>
- Byzov L. G.* Perestroyka: 20 let spustya. Kogda okonchitsya perestroyka? (po materialam IKSI RAN i VTSIOM) // Zolotoy lev. 2005. No. 61–62 [e-resource]. URL: http://zlev.ru/61_31.htm
- Dobruskin M. E.* Intelligentsiya pod ognem kritiki: vymysly i istina // Filosofiya i obshchestvo. 2004. No. 3. P. 49–50.
- Granin D.* Sobratsya s dukhom, chtoby vyzhit // Izvestiya. 1991, 19 dek.
- Intervyu s M. S. Gorbachevym (may 1994 goda) // Kontinent. 2011. No. 147 [e-resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/147/go6.html>
- Kagramanov Yu.* «Zhestokikh opytov sbiraya pozdnyy plod»: Koe-chno o roli znaniya v istorii // Novyy Mir. 1998. No. 10 [e-resource]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/10/kagar-pr.html
- Kara-Murza S.* Intelligentsiya posle perestroyki: pora oglyadetsya // Pravda. 1992, Nov. [e-resource]. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/voprosi/km-00.htm>
- Korzhavin N.* My ne otstydilis za svoe proshloe // Ogonek. 2007. No. 4 [e-resource]. URL: <http://www.ogoniok.com/4980/29/>
- Louental D.* Proshloe – chuzhaya strana. St. Petersburg, 2004. P. 26, 34.
- Mankhey K.* Esse o sotsiologii kultury // Mankhey Karl. Izbrannoe. Sotsiologiya kultury. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 95.
- Mishanova E. V.* Vektory evolyutsii ideyno-politicheskogo spektra i ideologicheskie predpochteniya rossiyan // Ideyno-simvolicheskoe prostranstvo postsovetskoy Rossii: dinamika, institutsionalnaya sreda, aktory. Moscow, 2011. P. 68.
- Morozov V. E.* Rossiya i Drugie. Identichnost i granitsy politicheskogo soobshchestva. Moscow, 2009. P. 540.
- Narskiy I. V.* Vozvrashchenie avtora: priglashenie k «liricheskoy istoriografii» ili ob odnoy tendentsii v sovremennom istoriipisanii // Istoriya i istoriki v prostranstve natsionalnoy i mirovoy kultury. Chelyabinsk, 2011. P. 47, 49.
- Osterman L. A.* Intelligentsiya i vlast v Rossii (1985–1996 gg.). Moscow, 2000. P. 15.
- Peregudov S. P.* Politicheskaya sistema Rossii v mirovom kontekste. Instituty i mekhanizmy vzaimodeystviya. Moscow, 2011. P. 120.
- Pivovarov Yu. S.* Russkiy Gamlet // Pivovarov Yu. S. Polnaya gibel vserez. Moscow, 2004. P. 308.
- Repina L. P.* Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vekov. Sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika. Moscow, 2011. P. 454, 455.
- Semenenko I. S.* Rossiya XX – nachala XXI veka. Kultura i obshchestvo. Moscow, 2011. P. 406.
- Solzhenitsyn A.* Kak nam obustroit Rossiyu. Posilnye soobrazheniya // Spetsialnyy vypusk. Broshyura k gazete «Komsomolskaya pravda». 1990, 18 sent.
- Tapon F.* Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us. S.-F., 2012.
- Turkin S.* «Vspominanie istorii» v period perestroyki: kak protsess, i ne tolko // Neprikosnovenny zapas. 2006. No. 3 (47) [e-resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/tu9-pr.html>
- V poiskakh istiny. Intelligentsiya provintsii v epokhu obshchestvennykh potryaseniy. Perm, 1999.
- Vasilev B.* I vse zhe ya uveren, chto Rossiya priverzhena dobru // Izvestiya. 1990, 15 iyunya.
- Vodolazov G. G.* Idealy i idoly. Moral i politika. Istoriya, teoriya, lichnye sudby. Moscow, 2006. P. 519.
- Zinovev A.* Katastroika. Povest o perestroyke v Partgrade. Myunkhen, 1989 [e-resource]. URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/textkatastroika.pdf>